

УДК 569.89.01

В. А. ШИПИЛЛО

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

Институт истории НАН Беларуси

(Поступила в редакцию 03.02.2015)

Как самостоятельная область науки антропология возникла поздно – в конце XVIII – начале XIX в. Однако наиболее ранние попытки понять место человека в природе, его сходство с другими организмами, его своеобразие, вариации человеческого типа по разным странам, возрастные изменения, объяснить его происхождение предпринимались достаточно давно. Основные этапы формирования антропологических знаний совпадают с поворотными периодами истории человеческого общества. Переходы от одной социально-экономической формации к другой, сопровождавшиеся переоценкой ценностей, борьбой между старым и новым мировоззрением, подъемом или крушением тысяч индивидуальных судеб, вызывали глубокое раздумье о сущности человеческой природы. Важнейшим периодом в развитии антропологии и ее формировании как особой науки была середина XIX столетия. 1860–1870-е гг. характеризуются ростом интереса к вопросам систематики человеческих рас, их происхождения и расселения. В этот период в западноевропейских странах, таких как Франция, Великобритания и Германия, создаются Антропологические общества, немного позже такое общество возникло в Российской империи. Основной задачей этих обществ являлось изучение человеческих рас с целью обоснования ошибочности взглядов апологетов реакции, которые отстаивали теорию неравенства рас, и исходя из этого – колониальные войны и порабощение коренного населения [22, с. 17–18].

Становление краниометрических методов исследования. Одним из важнейших разделов этнической антропологии является краниология, основное содержание которой составляют краниометрические исследования. Первые попытки разработки краниометрической методики были предприняты в середине XVIII в. датчанином П. Кампером. Он впервые указал на необходимость установки черепа в определенной горизонтальной плоскости при краниометрических исследованиях. Им была выбрана плоскость, проходящая через середину слуховых отверстий и нижний край грушевидного отверстия. Вертикальная профилировка лица оценивалась им при помощи угла между упомянутой плоскостью и лицевой линией, идущей от лба до края резцов. Вместе с тем П. Кампер впервые в истории антропометрии ввел понятие об относительных величинах, или индексах, занявших прочное место в антропологических исследованиях. По мнению Г. Ф. Дебеца, рубежом, с которого начинается развитие научной краниометрии, следует считать 1842 г., когда появилась работа шведского анатома А. Рециуса о форме головы у населения Северной Европы. В ней впервые был применен классификационный принцип к черепным размерам, на основании которого он разделил все народы земного шара на короткоголовых – брахикефалов и длинноголовых – долихокефалов. Для определения формы головы он предложил использовать черепной указатель, соответствующий соотношению ширины и длины черепной коробки, выраженному в процентах. Одновременно с этим черепа подразделялись на ортогнатные (с прямым вертикальным профилем лица) и на прогнатные (с выступающими вперед челюстями). Все народы мира были распределены по форме черепа на четыре группы. Данная классификация была довольно схематичной, однако она показала пользу краниометрических исследований.

Первое руководство по краниометрии и антропометрии было составлено французским анатомом П. Брока в 1864 г. В руководстве наряду с точным определением краниометрических точек и расстояний между ними П. Брока предложил определять горизонтальную плоскость, которая учитывалась во французских работах по краниологии [1, с. 6].

Важным моментом в развитии краниологических исследований стала унификация методики измерений (франкфуртское соглашение 1882 г.), где была принята новая горизонтальная плоскость для некоторых линейных и угловых измерений. Отправными пунктами для ее определения являются нижние края орбит и верхние точки наружных краев слуховых отверстий. Плоскость получила наименование ушно-глазничной, или франкфуртской.

Весомое место в палеоантропологической науке занимают исследования российских ученых XIX – начала XX в. Раскопки курганов в России начались в конце 30-х годов XIX в. и производились сначала археологами, которых интересовали только найденные в погребениях вещи. Первым, кто указал на научную ценность ископаемого скелетного и прежде всего краниологического материала в России, был К. М. Бэр. Ему же принадлежали и первые краниологические статьи на русском языке [12]. Теоретические взгляды К. М. Бэра отличаются широтой понимания места антропологии в системе других наук, тесной увязкой антропологических и в первую очередь краниологических исследований с историческими, этнографическими и археологическими данными, подчеркиванием роли палеоантропологии, признанием единства человеческого рода и изменением расовых типов во времени в зависимости от географических условий. Не менее существенны заслуги К. М. Бэра в разработке методики антропологической науки, в частности, краниологии. Он первым понял необходимость унификации измерений. Именно с этой целью был организован съезд антропологов в Геттингене осенью 1861 г., в созыве которого К. М. Бэр принял самое активное участие [3, с. 10]. При открытии Антропологической выставки 1879 г. А. П. Богданов сказал: «История настоящей антропологии начинается в России с трудов знаменитого К. М. Бэра, основателя первого краниологического собрания в России при Академии наук в Петербурге. Благодаря его замечательному ученому авторитету перестали выбрасывать черепа при раскопках и стали собирать расовые черепа» [6, с. 26].

Развитие русской антропологии в XIX в. неразрывно связано с именем А. П. Богданова. Научно-общественная и организационная деятельность А. П. Богданова сыграла большую роль в развитии и популяризации науки в России. Благодаря усилиям, энтузиазму и целеустремленности А. П. Богданова антропология получила в России официальное признание. Им было основано первое в России антропологическое общество, которое начало систематические антропологические исследования. А. П. Богданов принял меры к обеспечению преподавания антропологии в Московском университете, популяризации антропологических знаний. Первым шагом на пути к этому явилась Этнографическая выставка 1867 г. После знакомства А. П. Богданова в 1859 г. в Париже с антропологической деятельностью П. Брока и основанного им Антропологического общества он увлекся этим новым научным направлением, которое в начале 60-х гг. XIX в. только начинало выделяться в особую науку, будучи еще тесно связано с зоологией и медициной. При организации антропологического отдела при Обществе любителей естествознания одной из его основных задач предполагалось собирание естественно-исторических коллекций, в том числе и краниологических, которые до того времени в Москве отсутствовали. После летнего полевого археологического сезона 1866 г., когда под руководством А. П. Богданова было вскрыто 60 курганов, впервые была составлена краниологическая коллекция почти из 200 черепов. Изучение этой коллекции черепов из курганов Московской губернии X–XI вв. составило предмет большой работы А. П. Богданова, опубликованной весной 1867 г. под названием «Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии» [5]. Проведя подробное изучение краниологических серий из разных уездов, А. П. Богданов пришел к выводу, что преобладающим типом курганного населения Московской губернии был длинноголовый тип, который в некоторых местах (главным образом в восточных и юго-восточных районах) смешивался с короткоголовым. А. П. Богданов дает подробную характеристику этих двух типов черепов и, сравнивая московскую курганную коллекцию с черепами из соседних губерний (Владимирской, Ярославской и Калужской), пытается решить вопрос о племенной принадлежности этих двух типов. Короткоголовый тип

А. П. Богданов считает характерным для финнов [6, с. 25, 27, 29]. Относительно длинноголового типа он допускал возможность принадлежности его как славянским, так и племенам финской группы. В докторской диссертации, а также целом ряде других исследований А. П. Богданов установил факт кардинального значения – различие в форме черепной коробки между длинноголовым курганным населением и круглоголовыми современными представителями русского народа. Сначала он трактовал его как результат проявления в современном населении какого-то иного типа по сравнению с древним, как следствие – отсутствия генетической преемственности между русским народом и курганным населением, жившим в тех же районах. Но в заключительной работе, которая подводит итог всем исследованиям А. П. Богданова по краниологии славян и современных народов Восточной Европы, он приходит к выводу о брахикефализации современного населения под воздействием «развития цивилизации», иначе говоря, вследствие морфологической перестройки типа во времени в зависимости от уровня культуры и других факторов социального порядка, оказывающих влияние на биологию человека. Этот вывод А. П. Богданова, чрезвычайно прогрессивный для своего времени, в дальнейшем получил многостороннее подтверждение и развитие на самых разнообразных материалах и прочно вошел в золотой фонд достижений русской антропологии [2, с. 12].

При обсуждении этих вопросов А. П. Богданов, в отличие от многих современников, подчеркивает несоответствие между исторической классификацией племен и естественно-исторической (расовой). Он считает, что необходимо строить расовую классификацию исключительно на основании антропологических признаков [6, с. 25, 27, 29].

Отдельно следует обратить внимание на исследования и организационную деятельность Д. Н. Анучина, который, еще будучи студентом, под влиянием А. П. Богданова начал заниматься антропологией. Эта наука во второй половине XIX в. стала привлекать внимание университетских профессоров, выступавших организаторами Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В 1875 г. Д. Н. Анучин избирается секретарем антропологического отдела и членом совета Общества. Основной темой научных работ Д. Н. Анучина за границей было исследование аномалий черепа, в связи с чем им был изучен огромный краниологический материал – свыше 4000 черепов. Первое исследование по этому вопросу «Sur les anomalies du pterion» было опубликовано им в 1878 г. Эта тема явилась и предметом его диссертации на степень магистра зоологии, защищенной им в Московском университете в 1880 г., ученые степени по антропологии тогда в России еще не присуждались. Им был опубликован фундаментальный труд, не потерявший научного значения и до настоящего времени – «О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам». Если в установлении расового значения отдельных аномалий скелета Д. Н. Анучин и имеет своих, правда, немногих предшественников в антропологической литературе, то по количеству материала (личные и литературные данные более чем о 15 000 черепов), который позволил отразить в данной монографии неодинаковое процентное распределение среди рас отдельных аномалий черепа (аномалии в области птериона, аномалии шва и костей в затылочной области, метопический шов), их нет. По своему сравнительно-анатомическому подходу работа Д. Н. Анучина, бесспорно, является классической в мировой антропологической литературе. Выводы ее вошли в основные анатомические и антропологические руководства [19, с. 2–4].

Таким образом, собрание и изучение коллекций палеоантропологического материала в Российской империи в первой половине XIX в. начал К. М. Бэр. Им же были предложены первые методики для измерения черепов. Антропология как наука оформилась в России во второй половине XIX в. благодаря стараниям русского ученого А. П. Богданова, продолжателем дела которого явился Д. Н. Анучин.

Большое значение для развития методов краниометрической техники в XX в. имели исследования английской биометрической школы во главе с К. Пирсоном и цюрихской школы антропологов, которую возглавил Р. Мартин [26].

В отличие от биометриков, придававших решающее значение в любом исследовании математическим методам (что приводило их часто к отрыву от реальных фактов), Р. Мартин и его ученики подходили к антропологическому материалу с морфологических позиций. Р. Мартин в 1914 г.

создал единственное в своем роде руководство по морфологии человека [26]. Составленная им программа измерений черепа с точной дефиницией точек и способов измерения – наиболее полная из всех, которые были когда-либо опубликованы. Цифровая символика обозначения отдельных размеров, предложенная автором, широко распространена в современной краниометрии. Гораздо более обстоятельно, чем в работах биометриков, была рассмотрена методика получения индивидуальных обводов по линиям различных плоскостей, проходящих через черепную коробку, и диоптрографских рисунков, дающих возможность получить контуры лицевого скелета. Унификация системы палеоантропологических измерений осуществлялась на протяжении длительного отрезка времени – со второй половины XIX в. – до 20–30-х гг. XX в. [1, с. 8, 12].

На черепе практически могут быть измерены все его участки с необходимой точностью. Усовершенствование краниометрической методики и техники позволяет постоянно расширять программу измерений и включать в нее те признаки, которые интересуют исследователя в данный момент. Кроме того, в краниометрии постоянно имеет место процесс перехода описательных признаков в категорию измерительных, так как постоянно изобретаются способы измерения тех краниологических особенностей, которые до этого определялись описательно. Первоначально краниологические исследования концентрировались в области расоведения, а остеологии уделялось мало внимания.

Развитие методов остеометрии. Как отмечал В. П. Алексеев, остеометрическая методика в целом моложе краниометрической. Скелет человека пристально изучался, но преимущественно в работах по сравнительной анатомии с целью сопоставления со скелетом животных. Итогом таких сопоставлений была чаще всего попытка гомологизации отдельных костей человека и животных [2, с. 9].

Важную роль в развитии остеометрии в XIX в. сыграли исследования Д. Н. Анучина. По предложению А. П. Богданова им были обследованы полученные с острова Сахалин материалы по антропологии и этнографии айнов, результатом чего и явилась его капитальная работа «Материалы по антропологии Восточной Азии. Племя айнов», опубликованная в 1876 г. [4]. Данное исследование содержит обстоятельный исторический обзор изучения племени айнов, подробный анализ остеологического материала, этнографическую и лингвистическую характеристику племени, разбор теорий о его происхождении. В своей антропологической части работа, несомненно, является для своего времени образцом остеологического исследования, оказавшим заметное влияние не только на развитие остеометрической методики, но и на формирование позднейших представлений о значении отдельных особенностей скелета. В этой работе Д. Н. Анучин наряду с антропологическим материалом широко использует этнографические, исторические и даже лингвистические данные. Этот комплексный подход к рассмотрению антропологических вопросов, выражающийся в сочетании данных антропологии с данными этнографии, археологии и истории, характеризует в целом то направление, которому Д. Н. Анучин остался верен на протяжении всей своей научной деятельности [19, с. 2–3].

В начале XX в. появились первые работы, посвященные скелету человека и содержавшие достаточное количество информации о вариациях измерительных признаков, а главное, затрагивавшие вопрос о самой технике измерений. Наиболее веское слово в области остеометрии было сказано К. Пирсоном и его учениками. По мнению В. П. Алексеева, методологические основы мировоззрения К. Пирсона были в большей степени окрашены идеализмом. В биометрических работах, посвященных скелету, впервые были охарактеризованы многие остеометрические измерения и их вариации в достаточно обширных сериях, произведен подсчет параметров изменчивости и т. д. К. Пирсоном была предложена и формула определения длины тела по длинным костям скелета, которая была распространена преимущественно в остеометрических исследованиях антропологов англоязычных стран, тогда как во Франции, а частично и Германии, использовалась формула, предложенная Л. Мануврие. Проведя краткий обзор остеометрических работ авторов XIX – начала XX в., В. П. Алексеев особо отметил монументальный труд Р. Мартина «Учебник антропологии в систематическом изложении» 1914 г., который произвел реформу остеометрической методики. Основной набор измерительных признаков на скелете, предложенный в книге Р. Мартина, остается почти неизменным до наших дней [2, с. 9, 11].

Антрополог М. М. Герасимова считает, что работа Р. Мартина произвела революцию в остеометрических исследованиях [13, с. 63].

Развитие методов этнической одонтологии. Этническая одонтология выделилась как самостоятельная область антропологических знаний в 60 – начале 70-х гг. XX в. В строении зубов, главным образом их коронок, были выделены анатомические детали и признаки, дифференцирующие человеческие популяции [13, с. 47]. В одонтологической программе дается оценка таким параметрам, как диаметры зубных коронок и длина корней. Одна из наиболее полных одонтологических программ была предложена в 1949 г. Р. Сельмер-Олсеном. Первое руководство по одонтологии на территории России было разработано А. А. Зубовым. В нем представлена схема измерительных точек на коронках разных зубов [16; 17]. В одонтологии описательные признаки распространены гораздо шире, чем измерительные. Здесь, как отметила М. М. Герасимова, существует большое количество признаков, представляющих интерес с точки зрения этнической антропологии и теории антропогенеза [13, с. 62, 66].

Измерительные методики (краниометрическая, остеометрическая и одонтологическая) основаны на измерении расстояний между определенными, достаточно легко находимыми, точками на черепе, костях скелета и зубах, измерениях по окружностям и обхватам, а также измерениях различных углов.

Основное требование ко всем измерениям заключается в их унифицированности и сопоставимости у разных исследователей. Для антропологических измерений разработан стандартный набор различных приборов. Отдельные признаки требуют большей точности (до десятых долей миллиметра), которая устанавливается при помощи нониусов. Помимо проекционных измерений между точками, которые осуществляются различными циркулями или другими инструментами (мандибулометр, измерительная доска и т. д.), производятся также измерения мягкой градуированной лентой по окружностям, дугам, обхватам. Углы измеряются с помощью специальных гониометров. Для расчета углов за исходные принимаются различные плоскости. Иногда положение той или иной точки по отношению к двум другим или к плоскости вычисляется тригонометрически [13, с. 62]. В мировой антропологической литературе существуют две системы обозначения признаков: цифровая – это список Р. Мартина и буквенная – программа Велькера, принятая и дополненная А. П. Богдановым, а затем английскими биометриками. Каждая из систем имеет свои достоинства и недостатки, и различные исследователи пользуются как цифровыми, так и буквенными обозначениями. В наши дни у антропологов принята цифровая система Мартина, дополненная отдельными буквенными обозначениями признаков, не входивших в мартиновский список, а заимствованных у английских биометриков.

Развитие методов краниоскопии. В случае невозможности отразить специфику структурных образований используют визуальную оценку, т. е. применяют краниоскопический метод. Морфология черепа описывается не только с помощью измерительных, метрических признаков – краниометрии, но и описательных признаков – краниоскопии [20, с. 7].

В настоящее время, когда краниометрическая методика насчитывает более 100 лет своего существования, описательный способ определения выраженности некоторых особенностей сохранил свое значение, поскольку дополняет информацию, полученную метрическим способом. Как и при соматологических исследованиях, описательная характеристика осуществляется с помощью специальных схем. Последние составлены с учетом всех возможных вариантов развития признака не только в различных этнических группах современного человечества, но и в индивидуальных случаях. Иными словами, в основу описательных схем положена не групповая, а индивидуальная изменчивость. Для оценки индивидуальной изменчивости применяется межгрупповой, а не внутригрупповой масштаб. Это значит, что вариации признака оцениваются не по отношению к размаху изменчивости внутри той краниологической серии, которая подвергается изучению, а по отношению к размаху изменчивости в рамках всего человечества [1, с. 76]. Согласно А. Г. Козинцеву, любой морфологический признак можно фиксировать как измерительным, так и описательным путем, причем выбор диктуется лишь соображениями удобства. Непрерывно варьирующие признаки удобнее исследовать измерительными методами, альтернативная изменчивость лучше поддается описательному изучению [18, с. 3].

Дискретно-варьирующие, неметрические признаки, отражающие анатомические вариации в строении черепа и являющиеся фенетическими маркерами ископаемых популяций, среди краиноскопических признаков выделяются в отдельную систему. По мнению А. А. Мовсесян, одно из несомненных достоинств дискретно-варьирующих признаков заключается в том, что они, как и альтернативные вариации других морфологических признаков, являются типичными фенами, что позволяет использовать в палеоантропологии методы и подходы фенетического направления исследования популяций [20, с. 7–8].

Биоархеология. Термин биоархеология впервые был использован английским археологом Г. Кларком в 1972 г. [25]. В 1977 г. этот термин был пересмотрен Дж. Байкстрой [24], в настоящее время под ним понимается исследование человеческих останков, происходящих из археологических памятников (в контексте условий находки). Под биоархеологией понимают также изучение любых (принадлежащих не только человеку) биологических останков в археологических комплексах [7]. Вспомогательным разделом биоархеологических исследований является палеопатология человека.

Как установила А. П. Бужилова, в настоящее время можно выделить несколько наиболее значимых аспектов исследования патологий древних людей: 1) медицинский; 2) эпидемиологический; 3) экологический; 4) исторический [8, с. 5]. Известно, что показатель среднего возраста умерших дает существенную коррекцию при построении биоархеологической реконструкции для локальных палеогрупп, так как динамика этого признака зависит от многих причин – климатических, социоэкономических, биологических – и косвенным образом отражает разного рода изменения, происходящие в жизни древних сообществ. Опыт проведения биоархеологических реконструкций позволяет показать ряд факторов, вызывающих представленную комбинацию индикаторов стресса. Известно, что резкое стрессовое воздействие, например, острое непродолжительное голодание, различные лихорадочные состояния, острые инфекции и другие заболевания, испытанные ребенком, приводят, как правило, к задержке ростовых процессов, поскольку строительные белки расходуются в первую очередь на преодоление стресса. Резкое замедление ростовых процессов в детском возрасте отражается на костной и зубной системах в виде специфических «следов», которые сохраняются в дальнейшем и могут быть прослежены на останках взрослых людей. К таким маркерам относят дефект зубной эмали – эмалевую гипоплазию [10, с. 241, 247, 248]. Эмалевая гипоплазия чаще встречается в городских выборках по сравнению с сельскими. По-видимому, это происходит в первую очередь за счет негативных воздействий урбанизации – увеличения численности и плотности населения по сравнению с сельскими регионами, распространения антисанитарных условий на фоне скученности, что способствует появлению и распространению инфекционных и паразитарных заболеваний [8, с. 36].

На палеоантропологическом материале признаки анемии характеризуются главным образом в виде поротического гиперостоза на лобной, теменных и затылочной костях и локального варианта во внутренней области орбит – *Cribra orbitalia*. Поротический гиперостоз – это индикатор генерализованного стресса, маркирующий негативные факторы, воздействующие на человека в определенный период его жизни и приводящие к появлению заболевания [11, с. 209, 211].

Формирование *Cribra orbitalia* зависит от географической широты – чем ближе к экватору, тем значительнее степень распространения маркера, т. е. выше число анемичных людей. На территории Древней Руси показатель частоты встречаемости *Cribra orbitalia* тоже меняется в зависимости от географической широты: чем южнее популяция, тем показатель распространения маркера выше. В эпоху средневековья и наши дни индикаторы анемии демонстрируют сходную географическую зависимость. Показатель в целом примерно в три раза выше, чем у современного населения. На территории Древней Руси был отмечен в три раза больший показатель распространенности данного маркера у городских женщин в сравнении с сельскими [8, с. 25, 27].

В Беларуси методикой изучения палеопатологий занимается О. А. Емельянчик. По палеоантропологическим материалам сельских захоронений XI–XIII вв. и XVIII–XIX вв. опубликована статья «*Cribra orbitalia* как маркер анемического стресса в исследованных ископаемых популяциях с территории Беларуси». Рассчитанная по специально разработанным формулам для палеодемографических исследований средняя ожидаемая продолжительность жизни, согласно выводам

автора, оказалась более низкой у индивидов с наличием *Cribra orbitalia* [15]. Автор отметила более частую встречаемость индикатора анемии *Cribra orbitalia* у детей в сравнении со взрослыми. Максимальная частота встречаемости данного признака среди населения Полоцкой земли XI–XIV вв., согласно выводам О. А. Емельянчик, наблюдается в самой младшей возрастной группе (1–2 года), что отражает увеличение заболеваемости анемией среди детей в период отлучения от груди. Говоря о характере возрастного распределения встречаемости *Cribra orbitalia* в группах мужчин и женщин, автор отметила пониженную способность к репарации костной ткани у женщин по сравнению с мужчинами [14, с. 15].

Еще одним индикатором стресса на посткраниальном скелете представлены линии Гарриса, которые являются поперечно ориентированными пластинками в области ростовой зоны длинных костей. Они формируются в периоды задержки ростовых процессов организма вследствие длительных голодовок или перенесенных заболеваний в детстве. Исследования этого маркера сопряжены со сложностью фиксации при рентгенографии кости. Признак используется в палеопатологии в качестве индикатора эпизодического стресса [7].

Как заметила А. П. Бужилова, часто инфекции были связаны с болезнями скота, неврожаем. Определенные инфекции распространялись среди отдельных слоев населения, например рыболовов и охотников. Массовая гибель людей приводила к вымиранию отдельных поселений, что способствовало изменению генофонда. Тем не менее инфекционные заболевания затрагивали экономически развитые ареалы и не влияли на изменение генофонда периферийных областей. Из этого автор сделала вывод, что массовая гибель людей при свирепых неврожаях и эпидемиях прямым образом влияла на формирование экономического развития региона [8, с. 25, 27].

По костным останкам с большой долей вероятности можно определять бактериальные инфекции, т. е. болезни, требующие определенной продолжительности протекания, при которых изменяется костная система. Как правило, это различные неспецифические стрепто-, стафилококковые инфекции, туберкулез, бруцеллез, различные трепанематозы, проказа, лейшманиоз и др. Анализ летописных данных позволяет расширить диапазон возможных инфекций [9, с. 245].

Методики для изучения палеоантропологического материала начали совершенствоваться с XIX в. и продолжают дополняться новыми методами в настоящее время. Многие из них, разработанные в начале XX в., остаются актуальными и для современных исследований.

Таким образом, комплексное сочетание метрических (измерительных) и неметрических (описательных), а также таких новых методов, как, например биоархеология, позволяет всесторонне изучать палеоантропологический материал (краниологические серии, коллекции посткраниального скелета, останки зубов древних людей), уточнять вопросы исторической демографии, болезней человека в различные исторические периоды, соотнося их с конкретным историческим периодом.

Литература

1. Алексеев, В. П. Краниометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец. – М.: Наука, 1964. – 127 с.
2. Алексеев, В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 249 с.
3. Алексеев, В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование) / В. П. Алексеев. – М.: Наука, 1969. – 328 с.
4. Анучин, Д. Н. Материалы для антропологии Восточной Азии. Племя айнов / Д. Н. Анучин // Изв. Император. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1876. – Т. 20. – 230 с.
5. Богданов, А. П. Антропологические материалы. Ч. 1: Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии / А. П. Богданов. – М.: Изв. о-ва любителей естествознания, состоящего при Император. Моск. ун-те. – 1867. – Т. 4. – 148 с.
6. Берг, Л. С. Очерки по истории русских географических открытий / Л. С. Берг. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1946. – С. 282 – 318.
7. Биоархеологические реконструкции [Электронный ресурс]: Антропогенез. РУ. – Режим доступа: <http://antropogenez.ru/term/175/>. – Дата доступа: 20.10.2014.
8. Бужилова, А. П. Адаптивные процессы у древнего населения Восточной Европы (по данным палеопатологии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / А. П. Бужилова; РАН, Ин-т археологии. – М., 2001. – 50 с.

9. Бужилова, А. П. Болезни в средневековой Руси (антропологический обзор) / А. П. Бужилова // Восточные славяне. Антропологическая и этническая история / Т. И. Алексеева [и др.]; отв. ред.: Т. И. Алексеева. – 2-е изд. – М.: Научный мир, 2002. – С. 243–253.
10. Бужилова, А. П. Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белозерья и Поонежья) / А. П. Бужилова // Средневековое расселение на Белом озере / Н. А. Макаров, С. Д. Захаров, А. П. Бужилова. – М., 2001. – С. 227–276.
11. Бужилова, А. П. *Homo sapiens*: История болезни / А. П. Бужилова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 320 с.
12. Бэр, К. М. О черепах ретийских романцев / К. М. Берг // Записки ИАН. – 1862. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 162–185.
13. Герасимова, М. М. Отечественная палеоантропология: проблемы, методология и методы / М. М. Герасимова // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы: Ежегодник. Вып. 30. – М.: Наука, 2004. – С. 45–85.
14. Емельянич, О. А. Формирование антропологических особенностей населения Беларуси XI–XIX веков (по данным краниологии): автореф. дис. ... канд. биол. наук: 03.03.02. / О. А. Емельянич; НАН Беларуси, Институт истории. – Минск, 2013. – 21 с.
15. Емельянич, О. А. *Cribra orbitalia* как маркер анемического стресса в исследованных ископаемых популяциях с территории Беларуси / О. А. Емельянич // Актуальные вопросы антропологии. – Минск, 2006. – С. 177–184.
16. Зубов, А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований / А. А. Зубов. – М.: Наука, 1968. – 200 с.
17. Зубов, А. А. Этническая одонтология / А. А. Зубов. – М.: Наука, 1973. – 200 с.
18. Козинцев, А. Г. Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека / А. Г. Козинцев. – Л.: Наука, 1988. – 166 с.
19. Левин, М. Г. Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) / М. Г. Левин // Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.; Л.: АН СССР, 1947. – Т. I. – С. 1–13.
20. Мовсесян, А. А. Фенетический анализ в палеоантропологии / А. А. Мовсесян. – М.: Университетская книга, 2005. – 272 с.
21. Решетова, И. К. Население Донецко-донского междуречья в раннем средневековье (по материалам погребальных памятников Салтово-маяцкой культуры): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / И. К. Решетова; РАН, Ин-т археологии. – М., 2014. – 263 с.
22. Рогинский, Я. Я. Антропология: учеб. пособие / Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. – Изд. 3-е. – М.: Высш. шк., 1978. – 528 с.
23. Юровская, В. З. Анатолий Петрович Богданов, 1834–1896 / В. З. Юровская – М.: Ин-т антропологии, 2005. – 115 с.
24. Buikstra, J. E. Biocultural Dimensions of Archaeological Study: A Regional Perspective / J. E. Buikstra // In Biocultural Adaptation in Prehistoric America, Robert L. Blakely, ed., Southern Anthropological Society Proceedings. – 1977. – N 11.6. – P. 67–84.
25. Clark, J. G. D. A case study in bioarchaeology / J. G. D. Clark. Reading, Mass.: Addison-Wesley Publishing Co., 1972. – 42 p.
26. Martin, R. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung mit Besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden für Studierende, Ärzte und Forschungsreisende. Zweiter Band: Krianiologie, Osteologie. – Second Edition. Jena: Gustav Fischer, 1928.

V. A. SHIPILLO

FORMATION OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE PALEOANTHROPOLOGY

Summary

Article dwells on the basic methods of paleo-anthropology such as measuring and descriptive ones.

These methods had been being worked out over the period of XIX–XX centuries by Russian and West European authors. They had laid the groundwork for anthropological methodology in general.

Bio-archeology is a new field, which synthesizes and summarizes the data of medicine and biological sciences and liberal arts in order to create the whole description of social conditions, where the biological peculiarities of ancient people had been formed.